

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/SVFU.2023.98.36.005

Война и медицина в «Набеге» Л. Н. Толстого: два доктора, две патологии

М. Н. Волвенкин

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

✉ mvolvenkin@mail.ru

Аннотация. Тема «Толстой и медицина» стала объектом внимания ученых уже давно, поскольку сам писатель интересовался медицинским знанием, высказывал собственные представления о нем, нередко давал оценку различным медицинским идеям. В настоящее время интерес к этой теме возрастает, так как изучение связи литературы и медицины в современной филологии является актуальным направлением исследований. Между тем художественная система произведений Л. Н. Толстого почти не рассматривается в научных трудах, посвященных медицинскому дискурсу. Объектом исследования в данной статье является рассказ «Набег». Этот текст отмечен появлением фигуры доктора в повествовании, в нём репрезентируется процессы болезни и умирания, поэтому мы рассматриваем его как «патографический» (по определению К. А. Богданова). Цель исследования — подробно изучить медицинский след в рассказе. Медицинская составляющая произведения раскрывается, с одной стороны, на уровне героев, а с другой, что особенно интересно, — на уровне повествователя. Эпизодическое появление доктора является знаковым, патология, которую он отмечает, звучит не по-медицински, а по-толстовски и повторяется повествователем. Функция лечения в рассказе не реализуется, так как нарушение целостности отдельного человека на войне и самого пространства войны — болезненные процессы, не поддающиеся рациональному упорядочиванию. В противопоставлении рационального знания доктора и иррационального знания «раненого» раскрывается авторская переоценка первых опытов письма. Кроме того, сама невозможность восстановления целостности свидетельствует об автономном характере существования болезни в структуре произведения. При исследовании использовались следующие методы: структурный и герменевтический.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Набег», литература и медицина, образ болезни, патографический текст, война, патография, логика порядка, знание.

Для цитирования: Волвенкин М. Н. Война и медицина в «Набеге» Л. Н. Толстого: два доктора, две патологии. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №2. С. 56–64. DOI: 10.25587/SVFU.2023.98.36.005.

War and medicine in Leo Tolstoy's "The Raid": two doctors, two pathologies

M. N. Volvwenkin

Voronezh State University, Voronezh, Russia

✉ mvolvenkin@mail.ru

Abstract. The topic “Tolstoy and medicine” has long been the object of scholarly attention, since the writer himself was interested in medical knowledge, expressed his own ideas about it, and often gave an assessment of various medical ideas. At present, interest in this topic is growing, as the study of the relationship between literature and medicine in modern philology is an important area of research. Meanwhile, the artistic system of Leo Tolstoy's works is hardly considered in scientific works devoted to medical discourse. The object of research in this article is the story “The Raid”. This text is marked by

the appearance of the figure of a doctor in the narrative, it represents the processes of illness and dying, therefore we consider it as “pathographic” (as defined by K. A. Bogdanov). The purpose of the research is to study in detail the medical trace in the story. The medical component of the work is revealed, on the one hand, on the level of the characters, and on the other hand, which is especially interesting, on the level of the narrator. The episodic appearance of the doctor is significant, the pathology that he notes does not sound medical, but Tolstovian and is repeated by the narrator. The function of treatment is not realized in the story, since the violation of the integrity of an individual in war and the very space of war are painful processes that cannot be rationally ordered. In contrasting the rational knowledge of the doctor and the irrational knowledge of the “wounded”, the author's reassessment of the first experiences of writing is revealed. In addition, the very impossibility of restoring integrity indicates the autonomous nature of the existence of the disease in the structure of the work. The following methods were used in the research: structural and hermeneutic.

Key words: L. N. Tolstoy, “The Raid”, literature and medicine, disease image, pathographic text, war, pathography, logic of order, knowledge.

For citation: Volvwenkin M. N. War and medicine in Leo Tolstoy's “The Raid”: two doctors, two pathologies. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 2. Pp. 56–64. DOI: 10.25587/SVFU.2023.98.36.005.

Введение

Весной 1851 г. Л. Н. Толстой отправляется на Кавказ. 12 июня он оставляет в дневнике следующую запись: «Меня поразили 3 вещи: 1) разговоры офицеровъ о храбрости. Какъ заговорять о комъ нибудь. Храбръ онъ? Да, такъ. Всѣ храбры. Такого рода понятія о храбрости можно объяснить вотъ какъ: – Храбрость есть такое состояніе души, при которомъ силы душевныя дѣйствуютъ одинаково, <при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Или напряженіе дѣятельности, лишающее сознанія опасностей. Или есть два рода храбрости: моральная и физическая. Моральная храбрость, которая происходитъ отъ сознанія долга, и вообще отъ моральныхъ влеченій, а не отъ сознанія опасности. Физическая та, которая происходитъ отъ физической необходимости, не лишая сознанія опасности, и та, которая лишаетъ этого сознанія» [1, т. 46, с. 64]. Здесь, как и в более ранних дневниковых записях, писатель пытается раскрыть, уяснить для себя и упорядочить заинтересовавшие его высказывания и явления путём прямого объяснения и расчленения на составляющие. Кроме того, примечательным является выделение «морального» и «физического» родов храбрости – Л. Н. Толстой использует тот же понятийный аппарат, те же структуры, что и в своих многочисленных сводах правил («Правила внутреннія или въ отношеніи къ самому себѣ раздѣляются на правила образованія нравственнаго и правила образованія тѣлеснаго» [1, т. 46, с. 264], «Источникъ всѣхъ чувствъ есть любовь вообще, которая раздѣляется на два рода любви <...>» [1, т. 46, с. 267]). Следовательно, логика первых опытов письма прослеживается и в этом фрагменте.

Вместе с тем, как это было отмечено Б. М. Эйхенбаумом в работе «Молодой Толстой», с переездом на Кавказ связано изменение характера дневника писателя: выработка «методологии самонаблюдения» уступает место занятиям литературой: Л. Н. Толстой делает наброски портретов и пейзажные зарисовки, размышляет над вопросами, связанными с формой литературного произведения, упражняется в «мелочности» и «генерализации» [2]. Уже в приведенной выше цитате можно усмотреть противоречие между позицией писателя, ухватившего материал для своей работы, и педагога,

занимающегося разъяснением этого материала. Неслучайно попытка определить сущность «храбрости» не будет оставлена автором, а перерастет в художественное осмысление, итогом которого станет «Набег» (1853). И вообще повествование о войне будь то в упомянутом «Набеге» или в «Севастопольских рассказах» (1855–1856), а также в различных набросках этого периода опирается, если можно так выразиться, на два полюса, характеризующих человеческое поведение в гуще событий – храбрость и трусость, что, конечно само по себе не ново. Впрочем, толстовские тексты имеют свою специфику. Мы хотели бы обратить внимание и подробно рассмотреть медицинский след, отчетливо в них проявляющийся.

Однако прежде кратко изложим историю изучения вопроса. Образ врача в творчестве Л. Н. Толстого начал привлекать внимание исследователей еще при жизни писателя. Однако трактовка этого образа в их работах была однобокой и переносилась на отрицательное отношение писателя к врачам и медицине в принципе. К подобным результатам, например, приходят А. В. Погожев в книге «По поводу антипатии графа Л. Н. Толстого к медицине» (1897) и Г. И. Задера в статье «Об отношении Л. Н. Толстого к медицине и врачам» (1907). В советское время такое положение меняется. В 1940 г. выходит работа Э. М. Конюс «Лев Толстой и пропаганда медицинских знаний», посвященная исследованию участия писателя в издании медицинских книг для народа. Еще позднее появляется ряд статей, авторы которых стремятся показать всю сложность и неоднозначность толстовского восприятия медицины. Среди них отметим работы «Болезнь человека и врач в творческом отображении Л. Н. Толстого» (1978) Е. Б. Меве и «Л. Н. Толстой и медицина (к 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого)» (1978) П. Е. Заблудовского и Э. М. Конюс. Из последних исследований, затрагивающих медицинский дискурс в творчестве Л. Н. Толстого, назовем книгу В. Порудоминского «Если буду жив, или Лев Толстой в пространстве медицины» [3]. Главная ее ценность, на наш взгляд, заключается в богатейшем материале, собранном писателем-биографом. Кроме того, многие идеи, намеченные в этой книге, еще найдут свое продолжение.

«Набег» как тест о знании

Известно, что Л. Н. Толстой, работая над «Набегом» (называвшимся первоначально «Письмом с Кавказа», а затем «Описанием войны»), порой значительно менял некоторые его части, что-то добавлял, что-то удалял вовсе. При этом «размышления о том, что есть храбрость», всегда оставались важным элементом повествования. Писатель не единожды оставлял замечания в дневниках о своей работе: «<...> писалъ письмо съ Кавказа мало, но хорошо. Чувствую себя хорошо. – Я увлекался сначала въ генерализацію, потомъ въ мелочность, теперъ, ежели не нашель середины, по крайней мѣрѣ понимаю ея необходимость и желаю найдти ее» [1, т. 46, с. 121]; «Надо торопиться скорѣе окончить сатиру моего п[исьма] съ Кавк[аза], а то сатира не въ моемъ характерѣ» [1, т. 46, с. 132]; «Все сатирическое не нравится мнѣ, а такъ [какъ] все было въ сат[ирическомъ] духѣ, то все нужно передѣлывать» [1, т. 46, с. 151] и т. д. Все эти перипетии толстовского письма связаны с выработкой методов, обдумыванием основ поэтики. Однако примечательно, что автор, желая избавиться от «всего сатирического», не убирает из текста финальную сцену с врачом, что сама эта сцена, изменяясь в некоторых деталях, по-прежнему продолжает занимать кульминационное место.

Роль врача в ней, как кажется, минимальная: «Приехавший доктор принял от фельдшера бинты, зонд и другую принадлежность и, засучив рукава, с ободрительной улыбкой подошел к раненому.

– Что, видно, и вам сделали дырочку на целом месте, – сказал он шутливо-небрежным тоном, – покажите-ка» [1, т. 3, с. 39]. Его манипуляции, которые, по идее, должны быть связаны со спасением жизни, обрываются следующей фразой раненого: «Оставьте меня, – сказал он чуть слышным голосом, – все равно я умру» [1, т. 3, с. 39], – после которой фигура доктора, его слова и действия становятся просто избыточными, отрицаются

в самом повествовании (но не извлекаются из него!), так как знанием о жизни и смерти наделен сам Аланин. В то же время медицинскую деятельность, представленную в данном отрывке, нельзя охарактеризовать негативно. Согласимся в этом с мнением В. Порудоминского: «Портрет военного доктора выписан не слишком доброжелательно. По мысли автора, он не находит правильного тона ни в разговоре с больным, ни в своих действиях подле него. Между тем, его действия, может быть, не заслуживают серьезных упреков. Еще не осмотрев раны, он пытается успокоить пациента. Затем знакомится с характером ранения. Когда же видит, что дело безнадежно, отступает, не приносит раненому дополнительных страданий» [3, с. 133]. Мы наблюдаем, как меняется интенция автора: размышления о храбрости, послужившие отправной точкой для написания произведения, постепенно трансформировались в размышления о знании в принципе.

В первых вариантах этой сцены образ доктора тесно связан с литературной традицией XVIII века и напоминает врача-шарлатана [4]. Причем в этом образе доминируют две черты. Первая – опьянение: «Докторъ былъ пьянъ и началъ что-то шутить; рука его такъ тряслась, что онъ попадалъ вмѣсто раны зондомъ въ носъ» [1, т. 3, с. 225]; «Приѣхавшій докторъ, сколько я могъ замѣтить по нетвердости въ ногахъ и потнымъ глазамъ, находился не въ приличномъ положеніи для дѣланія перевязки» [1, т. 3, с. 237]. Вторая – вредительство: «Докторъ такъ неловко щупаль рану и безъ всякой надобности давилъ ее трясущимися пальцами, что выведенный изъ терпѣнія раненый съ тяжелымъ стономъ отодвинулъ его руку» [1, т. 3, с. 237]. Обе будут отвергнуты автором. Главной чертой доктора станет излишняя веселость: «<...> с одобрительной улыбкой подошел к раненому» [1, т. 3, с. 39]; «<...> сказал он шутивно-небрежным тоном – покажите-ка» [1, т. 3, с. 39]; «<...> в выражении, с которым он взглянул на веселого доктора, были удивление и упрек, которых не заметил этот последний» [1, т. 3, с. 39]. Действия же его станут безвредными и бессмысленными: «Он принялся зондировать рану и осматривать ее со всех сторон; но выведенный из терпения раненый с тяжелым стоном отодвинул его руку...» [1, т. 3, с. 39]. Тяжелый стон раненого в последнем варианте текста обусловлен не характером действий доктора («неловко щупаль рану», «безъ всякой надобности давилъ ее трясущимися пальцами»), но скорее самим фактом прикосновения к телу.

Впрочем, кроме тени литературной традиции, есть у этой сцены и вполне конкретный биографический источник. В письме к брату Сергею от 24 июня 1852 года (работа над рассказом к этому времени уже шла) Л. Н. Толстой рассказывает об одном случае, свидетелем которого он стал и «под впечатлением» от которого некоторое время находился. Ночью писатель проснулся от «страшного шума». Во двор привезли хозяина дома, раненного в левую грудь и правую руку неким «Татарином» (в «Набеге» и в письме, что крайне примечательно и что косвенно указывает на текстовую близость, Аланин и «мой хозяин» замещаются словом «раненый»). Сцена, как отмечает автор – «трогательная и смешная»: «Посерединѣ двора весь въ крови сидитъ человѣкъ, а кругомъ него столпилась огромная пьяная компанія» [1, т. 59, с. 184]. Разрешается она следующим образом: «Наконецъ ужъ я послалъ за Докторомъ и самъ перевязалъ рану. Тутъ прибѣжалъ мертвецки пьяный фершелъ, сорвалъ мою повязку и еще разъразбередилъ рану, наконецъ приѣхалъ Докторъ и еще разъ перевязалъ» [1, т. 59, с. 184–185]. Здесь присутствует и опьянение, которым отмечена вся атмосфера, а не только один персонаж; и вредительство, которым последовательно занимаются «мертвецки пьяный фершел» и «Доктор, который все шутит». Кроме того, знание о смерти также закреплено за самим «раненым»: он не наблюдает его по симптомам, как это делает повествователь («Онъ очень плохъ, харкаетъ кровью, это вѣрный признакъ смерти, но говорить и только морщится» [1, т. 59, с. 185]), но уверен в нем: «Я сейчасъ заходилъ къ нему и никакъ не могъ разувѣрить его, что онъ умретъ» [1, т. 59, с. 185].

Само обращение и к традиции XVIII века, где сцены с участием врача-шарлатана не могут сопрягаться с рассуждениями «о важных материях», если выражаться языком

того времени; и к истории с хозяином дома, которая обозначается как «трогательная и смешная», показательно. Благодаря ему можно проследить, как меняется замысел произведения. Аланин, исходя из того понимания храбрости, которое репрезентируется в тексте, действует безрассудно. Следовательно, было бы логично оставить «всё сатирическое», а не избавляться от него. Л. Н. Толстой пишет о том, что сатира не в его духе, однако её элементы нетрудно обнаружить в его текстах, в этом смысле показательно пьеса «Плоды просвещения» (1891). Причина многочисленных правок заключается в другом: рассуждения о храбрости уходят на периферию. Сатирическое повествование перемещает имплицитного автора выше персонажей. В кульминационной сцене окончательного варианта «Набега» он пребывает в неведении перед тем знанием, что открывается раненому в смертный час.

Врач и врачевание в «Лохете»

При создании «Набега», Л. Н. Толстой постоянно обращается к одному источнику, к тексту Платона. В последнем варианте произведения это выглядит следующим образом: «Я вспомнил, что Платон определяет храбрость *знанием того, чего нужно и чего не нужно бояться*, и, несмотря на общность и неясность выражения в определении капитана, я подумал, что основная мысль обоих не так различна, как могло бы показаться, и что даже определение капитана вернее определения греческого философа, потому что, если бы он мог выражаться так же, как Платон, он, верно, сказал бы, что храбр тот, кто боится только того, *чего следует бояться*, а не того, *чего не нужно бояться*» [1, т. 3, с. 16–17]. Цитата, которую приводит повествователь, взята из платоновского диалога «Лохет»: «Я имею в виду, Лохет, науку о том, чего следует и чего не следует опасаться как на войне, так и во всех прочих делах» [5, с. 286]. Такое мнение о том, что есть мужество (а именно определению мужества посвящен диалог), приводит Никий, причем его истинность, обратим внимание, в конце произведения оспаривается Сократом.

Д. Орвин в работе «Следствия самосознания. Тургенев, Достоевский, Толстой» отмечает, что Платон оказал значительное влияние на творчество Л. Н. Толстого: «Платон был единственным мыслителем и писателем, чье влияние оказалось столь велико, что Толстой открыто демонстрировал его в своих произведениях, сначала в “Набеге”, позднее последовательно в “Войне и мире” и “Анне Карениной”» [6, с. 112]. Кроме того, исследователь верно указывает на существование не только тематических связей между текстами авторов, но и структурных. В одном из набросков к «Набегу» Л. Н. Толстой пытается буквально копировать диалогическую структуру платоновского диалога, от чего в дальнейшем все же отказывается. Однако в финальном варианте произведения диалогический характер текста никуда не пропадает: логика, согласно которой мнение каждого из участников оказывается неистинным, важна для толстовского текста.

Между тем, в «Лохете» обнаруживаются и более интересные для нашего исследования моменты. Во-первых, сама фигура врача присутствует в высказываниях персонажей с первых и до последних слов. Во-вторых, Никий выражает мнение об ограниченности знания врача и несовпадении его области с той, что важна для пациента: «Да так, что он полагает, будто врачи знают о больных нечто большее, чем то, что полезно или вредно для их здоровья. А на самом деле знают они лишь это. Не думаешь ли ты, Лохет, будто врачи знают, что для некоторых здоровье более опасно, чем болезнь? Разве ты не знаешь, что для многих лучше не оправиться после болезни, чем оправиться? Скажи: ты считаешь, что всем лучше оставаться живыми, и не допускаешь, что многим лучше умереть?» [4, с. 287]. Врач знает о здоровье или нездоровье, но не о жизни и смерти. В этом мы обнаруживаем переключку с толстовским расподоблением знания врача и пациента. В-третьих, врачевание в тексте Платона понимается двояко. С одной стороны, это определенная профессиональная деятельность, связанная с разграничением здорового и нездорового и исправлением последнего, объектом которой является организм человека.

С другой стороны, это еще и «врачевание души»: «Следовательно, надо рассмотреть, искусен ли кто-либо из нас во врачевании душ и способен ли он прекрасно о них заботиться, а также у кого из нас были хорошие учителя» [4, с. 275]. Сократ в этом высказывании «врачевание» относит к области слова. Его понимание в данном контексте завязывается на знании в принципе и на способности его передать, а само понятие оказывается близко воспитанию и обучению. Приняв это во внимание, вернемся к «Набегу».

Патология по-толстовски

Итак, доктор в произведении – персонаж, в некотором смысле, бесполезный: его знание абсолютно проигрывает в сложившейся ситуации знанию пациента, манипуляции доктора над телом неуместны. Несмотря на это патология, отмечаемая доктором, остается: «– Что, видно, и вам сделали дырочку на целом месте, – сказал он шутливо-небрежным тоном, – покажите-ка» [1, т. 3, с. 39]. Ее же, к слову, чуть раньше отмечает и повествователь: «На белой рубашке под расстегнутым сюртуком виднелось небольшое кровавое пятнышко» [1, т. 3, с. 38]. Примечательно, что и в «Рубке леса» (1855), где также появляется «раненый», наблюдаем похожее описание: «Рана его была в животе, но в ней почти не было крови; лоб же он разбил о пень во время падения» [1, т. 3, с. 58]. По сути – такая же «дырочка на целом месте».

Категория «целого» («единого»/«всеобщего»/«всеобъемлющего») в текстах писателя является одной из центральных. Появляется она уже в первой дневниковой записи: «Для этаго образуй твой разумъ такъ, что бы онъ былъ сообразенъ съ цѣлымъ, съ источникомъ всего, а не съ частью, съ обществомъ людей; тогда твой разумъ сольется въ одно съ этимъ цѣлымъ, и тогда общество, какъ часть, не будетъ имѣть вліянія на тебя» [1, т. 46, с. 4]. «Целое» есть «источник всего», обладающий важнейшей характеристикой – истинностью. Приобщение к «целому», по логике писателя, открывает истинный взгляд на вещи, позволяет обрести порядок, а с ним – счастье. Позже эта категория в толстовских текстах реализуется и на других уровнях. Более того, Л. Н. Толстой однажды замечает, как часть неожиданно становится целым: «Иногда бываетъ, что нечаянно смотришь на одну только траву, и трава дѣлается не частностью, а цѣлымъ міромъ съ своими разнообразными членами» [1, т. 47, с. 182]. Видит он целостность и в отдельном человеке: «У моихъ пріятелей литераторовъ, старыхъ холостяковъ, у всѣхъ одна общая грустная черта: встрѣчаясь съ человѣкомъ, они считаютъ необходимымъ впередъ опредѣлить себѣ его характеръ и потомъ это мнѣніе берегутъ, какъ красивое произведение ума. Съ такимъ искусственнымъ мелкимъ знаніемъ нельзя любить и поэтому знать человѣка. В[алерія] цѣльная натура, поэтому надо особенно осторожно обращаться съ ней, и ежели наши отношенія будутъ существовать, то мнѣ надо поддѣлываться подъ ея цѣльность, а не ее портить сомнѣніемъ» [1, т. 47, с. 199]. Ищет ее в занятиях литературой: «Зачѣмъ такъ тѣсно связана поэзія съ прозой, счастье съ несчастьемъ? Какъ надо жить? Стараться ли соединить вдругъ поэзію съ прозой, или насладиться одною и потомъ пуститься жить на произволь другой? – Въ Мечтѣ есть сторона, которая лучше дѣйствительности; въ дѣйствительности есть сторона, которая лучше мечты. Полное счастье было бы соединеніе того и другаго» [1, т. 46, с. 65]. Примечательно, что вопрос о письме (проза или поэзия) у Л. Н. Толстого тесно связан с вопросом «как надо жить?».

Таким образом, доктор в «Набеге» определяет патологию не по-медицински, а по-толстовски. Однако действует неправильно: он пытается внешне и механически восстановить утраченную целостность своего пациента. На верный для последнего путь к восстановлению скорее указывает капитан Хлопов: «– Скажите лучше: так Богу угодно, – повторил капитан» [1, т. 3, с. 39], – так как движение к целому – это движение, прежде всего, внутреннее. Можно предположить, что расподобление знания доктора и пациента, уже не раз отмечавшееся нами ранее, обусловлено расходящимися по направлению взглядами персонажей – изнутри и снаружи.

Доктор и повествователь

Чуть раньше повествователь замечает еще одну патологию, связанную не с нарушением тела, но с нарушением психики, выраженную крайне примечательным сравнением: «Невольно приходило сравнение человека, который сплеча топором рубил бы воздух» [1, т. 3, с. 33]. Сравнение это относится ко всем участникам набега, за исключением самого повествователя, а само поле боя в таком случае весьма напоминает дом умалишенных. Корни такой своеобразной болезни обнаруживаются также в нарушении целостности. «Истинно величественное зрелище», наполненное стоном земли, пальбой, огнем и дымом, с точки зрения повествователя, нарушается движением, одушевлением и криками людей. Именно вовлеченность участников зрелища пугает «волонтера». Вот еще один пример: «В это время с быстрым неприятным шипением пролетает неприятельское ядро и ударяется во что-то; сзади слышен стон раненого. Этот стон так странно поражает меня, что воинственная картина мгновенно теряет для меня всю свою прелесть; но никто, кроме меня как будто не замечает этого: майор смеется, как кажется, с большим увлечением; другой офицер совершенно спокойно повторяет начатые слова речи; генерал смотрит в противоположную сторону и со спокойнейшей улыбкой говорит что-то по-французски» [1, т. 3, с. 33]. Раненый, за которым стоит ежесекундная реальность уничтожения, также нарушает целое. Для повествователя воодушевление несовместимо со смертью.

Исходя из вышесказанного, отметим, что повествователь в рассказе выполняет ту же функцию, что и доктор. Более того – первый оказывается более квалифицированным, так как выявляет патологии на разных уровнях. В его восприятии мы наблюдаем композицию двойного разрушения целого. Сначала разрушается целое «величественного зрелища» войны, а затем целое отдельного человека на войне.

Функция выявления патологии в «Набеге» прослеживается четко. Функция лечения, пожалуй, более важная для фигуры врача, полностью не реализуется: здесь уместно говорить лишь о попытках ее реализации. Доктор, осматривающий Аланина, как уже было сказано выше, подходит к решению проблемы внешне: он знает лишь о видимом глазу нарушении тела, тогда как раненый точно определяет смертельные процессы внутри себя.

Повествователь же оказывается доктором, подобным героям платоновского диалога: его лечение осуществляется через слово, содержащее истинное знание (для обоих текстов критерий истинности является определяющим). В одном из набросков к «Набегу» читаем: «“Храбрость есть наука того: чего должно и чего не должно бояться”, говорить Платонъ. – (Ясно, что подъ словомъ наука онъ разумѣтъ истинное знаніе.)» [1, т. 3, с. 238]. Причем он сам же является и пациентом, что напоминает структуру ранних дневниковых записей Л. Н. Толстого, в которых посредством письма, придающего жизни порядок, организуется саморазвитие и самолечение. Заметим, что главная болезнь, о которой говорится на страницах дневника, – это «разврат души», заключающийся как раз в отсутствии всякого порядка.

Сама идея рассказа, как было отмечено в начале, вырастает из попытки упорядочить и объяснить «храбрость». Однако на привычных конструкциях (по типу «храбрость есть...») автор не останавливается. Все дело в том, что понятие уже не воспринимается отвлеченно, оно находится в зависимости от ответа на вопрос, четко поставленный в одном из черновых вариантов рассказа: «Вотъ имянно это-то мнѣ и хочется видѣть: какъ это, человѣкъ, который не имѣетъ противъ другаго никакой злобы, возьметъ и убьетъ его, и зачѣмъ?...» [1, т. 3, с. 227]. В итоговом варианте произведения этот вопрос умалчивается, так как автор несколько меняет образ повествователя и образ Хлопова.

Это же мы наблюдаем и в событийной стороне рассказа. Сперва заметим, что лаконичное определение храбрости, данное капитаном Хлоповым («<...> храбрый тот, который ведет себя как следует, сказал он, подумав немного» [1, т. 3, с. 16]), повествователь пытается доопределить, ссылаясь на текст Платона, а затем развивает из этого определения более обстоятельное объяснение. Но капитан его не поддерживает,

а перенаправляет к юнкеру, который «любит пофилософствовать». Понимания не происходит, а целостность представления о войне, в которое едва добавились две новые координаты «храбрость» и «трусость», вдруг нарушается неожиданным переживанием смерти. Соответственно истинность определения в тексте оспаривается.

Заключение

Таким образом, медицинский след в «Набеге» оказывается более сложным и многоплановым, чем это кажется на первый взгляд. Наблюдая над многочисленными вариантами произведения, сравнивая их с итоговой его версией, мы отмечаем изменение авторской интенции: повествование о храбрости уходит на периферию, уступая место повествованию о знании как таковом. Следствием этого становится изменение структуры текста, которая, как мы полагаем, в то же время является реакцией на логику порядка, занимающую автора с первых опытов письма, а также на исходную точку написания произведения. Сам повествователь оказывается в некотором отношении близок доктору: он стремится упорядочить войну в своём сознании подобно тому, как врач – механически восстановить тело [7]. Болезнь нарушения целостности, если можно так выразиться, не лечится простым рациональным упорядочиванием: в этом смысле доктор и повествователь вновь напоминают друг друга. В то же время невозможность упорядочивания свидетельствует о том, что в толстовском художественном мире существуют вещи вовсе ей не подлежащие. Одной из них, к слову, наряду со смертью является Бог, о чем мы читаем на страницах дневника этих лет следующее: «Не могу доказать себѣ существованія Бога, не нахожу ни одного дѣльнаго доказательства и нахожу, что понятіе не необходимо. Легче и проще понять вѣчное существованіе всего Міра съ его непостижимо прекраснымъ порядкомъ, чѣмъ существо, сотворившее его» [1, т. 46, с. 167].

Л и т е р а т у р а

1. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1928-1958.
2. Эйхенбаум, Б. М. Молодой Толстой / Б. М. Эйхенбаум. – Петербург–Берлин : Издательство З. И. Гржебина, 1922. – 155 с.
3. Порудоминский, В. Если буду жив, или Лев Толстой в пространстве медицины / В. Порудоминский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 376 с. – (Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).
4. Иваньшина, Е. А. На пересечении границ : врач в русской литературе / Е. А. Иваньшина : научный редактор А. А. Фаустов // Характерологические стратегии в русской литературе. – Воронеж : Научная книга, 2013. – С. 46–155.
5. Платон. Собрание сочинений в 4 т. : Т. I. / Общая редакция А. Ф. Лосева и др. ; автор вступительной статьи А. Ф. Лосев ; примечания А. А. Тахо-Годи ; перевод с древнегреч. – Москва : Мысль, 1990. – 860 с. – (Философское наследие).
6. Орвин, Д. Следствия самоосознания. Тургенев, Достоевский, Толстой / Перевод с английского А. Г. Гродецкой. – Санкт-Петербург : Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. – 351 с. – (Серия «Современная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).
7. Богданов, К. А. Врачи, пациенты, читатели : Патографические тексты русской культуры / К. А. Богданов. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 672 с. – (Культурный код).

References

1. Tolstoy, L. N. (1928-1958). Complete works: in 90 volumes. Moscow; Leningrad: Fiction (in Russian).
2. Eichenbaum, B. M. (1922). Young Tolstoy. Petersburg-Berlin: Z. I. Grzhebin Publishing House, 155 p. (in Russian).
3. Porudominsky, V. (2012). If I am alive, or Leo Tolstoy in the space of medicine. In: "Russian Abroad. Collection of Poetry and Prose". St. Petersburg: Aleteyya, 376 p. (in Russian).

4. Ivanshina, E. A. (2013). At the border crossing: a doctor in Russian literature. In: Faustov, A. A. (ed). Characterological strategies in Russian literature. Voronezh: Scientific book, pp. 46–155. (in Russian).
 5. Losev, A. F. Losev et al.; author of the introductory article A. F. Losev; notes by A. A. Tahoe-Godi (1990). Plato. Collected works in 4 volumes. Translation from ancient Greek. Moscow: Thought, 860 p. (in Russian).
 6. Orvin, D. (2022). Consequences of self-awareness. Turgenev, Dostoevsky, Tolstoy / Translation from English by A. G. Grodetskaya. Series "Contemporary Western Rusistika". St. Petersburg: Academic Studies Press / Biblorossika, , 351 p. (in Russian).
 7. Bogdanov, K. A. (2017). Doctors, patients, readers: Pathographic texts of Russian culture. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 672 p. (in Russian).
-

ВОЛБЕНКИН Михаил Николаевич – аспирант филологического факультета, Воронежский государственный университет.

E-mail: mvolvenkin@mail.ru

VOLVENKIN Mikhail Nikolaevich – PhD student of the Faculty of Philology, Voronezh State University.